

«РОДНИКАМ ВЕКОВ» ОРЛОВЩИНЫ — ЗВЕНЕТЬ!

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

— Анатолий Иванович, напомните, пожалуйста, нашим читателям, в чём заключалась особенность прошедшего мероприятия и достигнуты ли поставленные цели?

— Фестиваль удался. Он стал заметным событием в деле возрождения старинной музыки орловского края, хотя поначалу идея его проведения вызвала кое у кого недоумение и даже сопротивление. Тем не менее большое количество отдельных исполнителей и коллективов откликнулись и приняли участие в мероприятии, суть которого можно выразить так: не дать исчезнуть бесследно, защитить и вернуть народную музыку орловского края из небытия в день сегодняшний, передать её последующим поколениям.

— А в чём была причина сопротивления фестивалю? Дело-то ведь благородное, не выходящее за рамки идеи сохранения самобытности культуры русского народа, о чём сейчас даже на

самом высоком уровне стали говорить часто.

— Причины самые разные, от банальной лени до «аргументированной» убеждённости в бессмысленности копания, образно говоря, в прабабушкиных сундуках. Кто-то прочитал положение с пятое на десятое и не понял сути, кто-то сослался на отсутствие фольклорного материала, а кто-то не захотел брать на себя лишнюю заботу, связанную с организацией, разняшением и убеждением непосредственных исполнителей в важности предстоящего фестиваля. И, как ни странно, больше всего «непонимающих» оказалось среди творческих руководителей областного центра. А иначе как объяснить тот факт, что ведущие народные коллективы, например Дворца культуры сталепрокатчиков, не приняли участия в фестивале, а из принимавших участие многие игнорировали его положения и отделились исполнением произведений общеизвестных или вообще никак не связанных с традиционной музыкальной культурой Орловщины.

— Анатолий Иванович, а

была ли возможность у руководителей коллективов где-либо почерпнуть именно орловский музыкальный материал в ходе подготовки к фестивалю?

— Надо сказать, что за последние десятилетия накоплено немало записей, сделанных фольклористами в сёлах Орловщины. Многие уже расшифрованы, зафиксированы в ноты и издано музыкальными вузами Москвы, областным центром народного творчества, институтом искусств и культуры. Но ещё больше можно при желании записать на местах и обработать для исполнения на сцене в расчёте на конкретный коллектив или солистов, благодаря грамотным музыкантам у нас предостаточно. Собственно говоря, одна из целей фестиваля и заключалась в том, чтобы подвигнуть руководителей на более активный творческий процесс. То есть не просто слепо копировать, скажем, деревенских бабушек, исполнителей народных песен, а, используя местные мелодии, по возможности создавать на их основе инструментальные пьесы, ансамблевые, сольные

и хоровые произведения, которые будут отмечены печатью своеобразия и новизны, основанной на родных корнях. Мы рассчитываем таким образом на преемственность и дальнейшее развитие музыкальных и песенных традиций орловского края.

— Ну и в чём же проявилось своеобразие и новизна в подаче старинной музыки на сцене нашими современниками? Можно ли привести конкретные примеры?

— Во-первых, мы убедились в том, что далеко не всё ещё потеряно, что народная песня жива и любима. Я имею в виду не те песни, что «на слуху», а те, что передаются из поколения в поколение в конкретном селе и характерны только для данной местности. Ярким примером того было выступление Нины Сергеевны Федюкович — народной исполнительницы из села Красная Слободка Глазуновского района. Она спела свадебную песню, которой величали невест в их роду на протяжении нескольких веков. Кстати, жанровое разнообразие было представлено очень широко: песни обрядовые, ка-

лендарные, хороводные, лирические, городские и жестокие романсы. Звучали эти старинные шедевры не только в исполнении фольклорных ансамблей (с. Задушное Залегощского района, Льгов Хотынецкого, Алешня и Репино Болховского, д. Робье Шаблыкинского, Туровка Верховского и т.д.), но и в хоровых, инструментальных аранжировках

лективов А. Скрыбин (оркестр народных инструментов «Русь») и Т. Петрина (хор «Орфей») из Ливен. Известную спасско-лутовиновскую песню «Егор кудрявой» можно было услышать и в исполнении хора профсоюз, и мастеров украшенной Евгением Дербенко американскими ритмами и гармониями, в исполнении инструментального ансамбля преподавателей из музыкальной школы № 2 г. Орла. Кстати, музыкальной эмблемой фестиваля была ещё одна знаменитая спасско-лутовиновская мелодия — «Роза бело-розовая».

— Анатолий Иванович, а как отнеслись к фестивалю дети и молодёжь? Я имею в виду и исполнителей, и зрителей.

— Хочу с удовлетворением отметить, что именно дети и молодёжь проявляют сейчас больший интерес к старинной музыке и традиционному образу, чем люди среднего и старшего возраста, и это обстоятельство радует.

— А с чем это связано? — Традиционный фольклор необычайно разнообразен и

насыщен игровыми моментами, шутками, что близко и приятно детям. Если взять морально-нравственный аспект, то это богатейший материал, на котором юности и девушки могут учиться тем чистым и достойным нормам поведения и взаимоотношения между собой, которых так сегодня не хватает. Фестиваль как раз и показал, что современной молодёжи совсем не чуждо то, что было свойственно нашим предкам. Детских и юношеских коллективов и исполнителей было очень много, и что тоже показательно, в городах интерес и приобщение к старинной музыке носит более ярко выраженный и массовый характер.

— Значит, новому фестивалю — быть?

— Несомненно! Старинная музыка Орловщины ждёт своих первооткрывателей и почитателей. Чистые родники веков не должны предаваться забвению. Они должны питать нашу сегодняшнюю жизнь.

Беседовал
Виктор САДОВСКИЙ.
Фото Елены ФИЛИЧЕВОЙ.

ПОЛЯКИ В ПЛЕНУ У «СВОБОДНОГО ПРОСТРАНСТВА»

Если верить огромному рекламному щиту, что висит на центральной улице Варшавы — Маршалковской, то «только 11% поляков ходят в театр» и почти все они, естественно, «наши клиенты», хвастаются банкиры. Не берусь утверждать, на сколько процентов в действительности заполняются зрительные залы полусотни театров польской столицы, но на спектаклях «Свободного пространства» яблоку точно негде было упасть.

Покорить варшавскую публику постановками, пришедшими из российской провинции, — дело почти безнадежное. Поэтому приглашение труппы из губернского Орла в рамках сезона российской культуры в Польшу было в некотором смысле риском со стороны организаторов, которые привыкли иметь дело в основном с популярными столичными театрами и режиссёрами.

Для орловцев игра перед зрителем, пресыщенным пьесами современных авторов и изощренными сценическими новациями, была тоже испытанием, которое, кстати, и актёры, и режиссёр заслуженный деятель искусств России Александр Михайлов с честью выдержали, не ударили в грязь лицом и не посрамили земли Тургеева и Лескова.

На два дня прекрасное здание Театра Студия в самом центре города было отдано в распоряжение наших артистов. Орловцы привезли в Варшаву два совершенно разных спектакля: «Бойня» по пьесе популярного польского драматурга Славомира Мрожека в постановке режиссёра Гжегожа Мрувчинского и «Доктор Чехов» в постановке Александра Михайлова.

Оба спектакля шли на русском языке с дублированием титрами на польском. Текст часто не совпадал с речью актёров, однако это обстоятельство не мешало зрителям нормально воспринимать происходящее на сцене. Большинство поляков среднего и старшего возраста изучали русский язык в школе, в которых, кстати, работали и учителя, проходившие стажировку на «польском факультете» Орловского государственного университета. Так что язык межнационального общения «стран Варшавского договора» у бывших «двоечников» (в Польшу это «хорошисты») ещё не совсем выветрился, несмотря на довольно длительный период прохладных отношений. Да и наши соотечественники, активно занимавшиеся в недавнем прошлом «челночной дипломатией» на польских рынках, тоже препятствовали забве-

нию «великого и могучего» на родине Шопена и Мицкевича. С содержанием «Бойни» поляки знакомы. А Чехова любят и играют во всём мире.

Пьеса С. Мрожека, написанная 34 года тому назад, не имела успеха в первом, выдержанном в стиле авангарда, сценическом воплощении. Но она была актуальным спектаклем тогдашней общественности — политическая ситуация Польши, когда всё выставляется на продажу, когда даже смерть уже никого не удивляет и становится предметом торга, когда, например, забой скота на бойню вполне может быть спектаклем с участием симфоничес-

кой группы молодых парней. Двое из них, указывая пальцами на актёра, двинулись в его сторону со словами: «То ест он!» (это он!). «Ну всё, — подумал Лагоса, — будут бить или грабить» — и принял боксёрскую стойку. «Не, не, пани!», — рассмеялись поляки, — мы хотели автограф. Вы прекрасный артист!».

Коллектив орловского театра на удивление слаженный и дружный. Это отметили и рядовые зрители, и театральные критики. После спектаклей наши актёры были буквально нарасхват. Блистательный семейный дуэт Наришкиных, Мария Демина, Станислав Иванов, Алексей Кондрахов, Николай Рожков, Лариса Леменкова, Галина Мусатова, Михаил Артемьев, Владимир Крашенинников... — осыпана цветами и словами признательности была вся труппа.

Знакомство с польской столицей, встречи с журналистами, сотрудниками министерства культуры и театральной общественностью Польши — всё это входило в гастрольную программу. Ну и, конечно же, встреча с представителями фармацевтической компании «Бютон» во главе с Матеушем Косецким, региональным директором по Восточной Европе. Дочернее предприятие этой компании, ЗАО «Бютон Восток», руководит которым Тадеуш Желецки, строит под Орлом инсулиновую фабрику. Благодаря усилиям пана Тадеуша и финансовою помощи фирмы состоялся гастрольный спектакль.

То, что деятельность зарубежных предпринимателей в России начинается с поддержки и пропаганды российской культуры у себя на родине, говорит о многом: Польша поворачивается лицом к России, несмотря на «мясные» разборки в верхних ярусах «политической бойни». Вот небольшой штрих.

На одной из тихих улочек Варшавы я наткнулся на офис, который занимается (дословно) «внедрением фирм на восточные рынки: Россия, Азербайджан...». Восток для Польши — свободное рыночное пространство. И в связи с этим выбор для гастрелей в Варшаве театра «Свободное пространство» из Орла был символическим.

Можно с уверенностью сказать, что у бывших выпускников «польского факультета» ОГУ — учителя русского языка — появится снова работа.

В то же самое время польские зрители уже скупали на длинные монологах, где звучала «нудная» казённая речь, и без восторга воспринимали те моменты игры актёров, где было неоправданно много мимики и жестов.

А вот комедия «Доктор Чехов», сотканная из трёх одноактных пьес А.П. Чехова («Медведь», «Предложение», «Юбилей»), действие которой по воле режиссёра разворачивается в психбольнице, положила всех зрителей, образно говоря, на лопатки. Смех в зале не смолкал от начала до конца представления.

Уже первое появление Елены Крайней в роли нянюшки с репликами «На процедури! На процедури!» вызвало улыбки и аплодисменты, хотя в титрах перевода производных слов от «процедуры» не было.

Эта великолепная актриса играла в спектакле ещё и госпожу Мирсоткину («Юбилей»), которая пришла к банкиру выговар за мужа 24 рубля 36 копеек. Уморительная комичная роль была сыграна так мастерски, что поляки даже затруднились в выборе слов для её характеристики. По окончании представления театральная уборщица пани Марья влетела в гримёрку: «Лена, Ле-ноч-ка! Я то думала сначала, что вы такая же уборщица, как и я. А потом!.. А потом!..». На этом словарный запас у неё иссяк.

Комичский дяд Валерия Лагоши в «Предложении» был тоже вне конкуренции. Его сразу стали узнавать на улице. После спектакля Валерий поздно возвращался в гостиный пешком. Из тёмного переулка вывалилась

220 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К.Н. БАТЮШКОВА

Недавно исполнилось 220 лет со дня рождения Константина Николаевича Батюшкова, уникального поэта, творчество которого сыграло большую роль в русском историко-литературном процессе. Уже Белинский отметил: «Батюшков много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно. Одной этой заслуги... достаточно, чтобы имя его произносились в истории русской литературы с любовью и уважением».

«СТРАДАЛ, РЫДАЛ, ТЕРПЕЛ, ИСЧЕЗ»

К сожалению, приходится сталкиваться с тем, что многие люди не имеют почти никакого представления о том, кем был К.Н. Батюшков. В школьной программе о нем очень мало сведений. Меня лично заинтересовало не только творчество, но и судьба К.Н. Батюшкова. Его реальный и лирический образ существенно отличались друг от друга. Даже сам поэт характеризовал себя как человека противоречивого. Вот строки из дневника: «Сегодня бесечен, ветрен, как дитя, по-смотришь завтра — ударился в мысли, в религию и стал мрачным иноком... В нем два человека: один добрый, прост, весел, услужлив, богобоязлив, откровенен до излишества, щедр, трезв, мил; другой — злой, коварный, завистливый, жадный, иногда корыстолюбивый, но редко; мрачный, угрюмый, прихотливый, недовольный... непостоянный в любви и честолюбивый...».

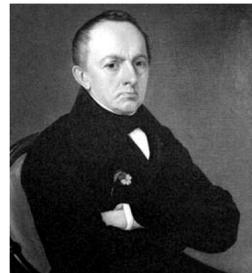
Литературная деятельность Батюшкова оборвалась неожиданно. Он унаследовал от матери психическую болезнь, которая 35 годам приняла тяжёлую форму. Последние годы жил в Вологде под присмотром родственников. Неоднократно пытался покончить с собой.

Но тем не менее поэзия Батюшкова не отразилась в полной мере обстоятельствами его личной жизни. Ни безответная любовь к Анне Фурман, ни предвзятость надвигавшейся неуга не омрачили её светлых тонов.

Батюшков происходил из старинного дворянского рода. Родился в Вологде, ранние годы провел в имении отца Николая Львовича, который в то время был в опале из-за обвинения во враждебном отношении к Екатерине II. Юный Батюшков воспитывался в петербургском пансионе, где изучал языки: французский, итальянский, латынь, знакомился с творчеством известных европейских и античных поэтов, что сыграло важную роль в его творческом становлении. Любовь к поэзии Константину привил двоюродный дядя, Михаил Николаевич Муравьев. Как и многие молодые люди того времени, будущий поэт увлекался и творчеством Н.М. Карамзина. Общался с Н.И. Гнедичем, А.Н. Олениным, познакомился с И.А. Крыловым — это способствовало развитию его таланта.

Окружающие Батюшкова люди имели прямое отношение к перемнам, происходившим в русской литературе в то время. Тогда акцент переключился на «легкую поэзию», которая требовала более простого словесного выражения. Неудивительно, что свою цель и призвание Батюшков видел в достижении гармонии и плавности языка в лирических произведениях. Он печатается в журнале «Новости русской словесности» («Послание к стихам моим»), «Любитель словесности» («Мечта»).

Но в 1807 г. поэт решает изменить свою спокойную жизнь. Он вступает в ополчение и отправляется на войну в Восточную Пруссию. Вскоре был тяжело ранен и оказался на лечении в доме рижского купца Мюгеля. Его дочери он позднее посвятит стихотворение «Вздоролнение» (1817). Военные впечатления придают стихам сдержанное, скорбное звучание, но в то же время те ос-

таются необыкновенно искренними. Военная, патристическая тематика с этого момента постоянно присутствует в творчестве поэта.

В 1809 г. поэт возвращается в свое имение. Там он пишет сатиру «Видение на берегах Леты», которая принесет ему особую известность. Стихотворение создавалось под впечатлением литературных споров о старом и новом слоге в поэзии. Как и Карамзин, Батюшков утверждает, что язык поэзии должен быть как можно ближе к живому языку, к тому, на котором люди говорят каждый день. Ясность, плавность и точность он считает основными качествами поэтической речи.

В реке забвения он «топит» многих современных ему поэтов — «литературных стартеров», например, А.С. Шишкова, С.Н. Глинку. Знакомство с В.А. Жуковским и П.А. Вяземским, их дружба и близость литературных взглядов — это начало «школы поэтической точности». Ее сторонники стремились «сочетать выразительность и музыкальность языка с ясностью и чистотой стихотворной формы. Своим друзьям Батюшков посвящает одно из самых известных его стихотворений — «Мои Пенаты» (1811). Тогда же он пишет стихотворения «Веселый час», «Элизий», в которых прославляет чувственные наслаждения, изображает любовь как всепоглощающую силу.

Война 1812 г. становится новым потрясением для Батюшкова. Он не может понять, как «просвещенный народ» — французы могут грабить и убивать. В это время Батюшков посвящает себя патристической поэзии («Переход через Рейн», «К Дашкову», «Судьба Одиссея» (вольный перевод из Шиллера)). Он убежден, что непозволительно думать о личных благах, когда родина нужна защита.

В творчестве Батюшкова остаются мотивы разочарования в жизни, но возникает и надежда на вечное блаженство. В стихотворении «К другу» поэт с горечью говорит о суетности и ненадежности всего мирского, но в то же время пытается найти утешение в вере. Теми же настроениями наполнена элегия «Умирающий Тасс». Этот персонаж был очень близок Батюшкову. Поэт видел в судьбе великого итальянца собственное будущее: «Тасс, как страдалец, скитался из края в край, не находил себе пристанища, повсюду носил свои страдания, всех подозревал и ненавидел жизнь свою, как бремя. Тасс, жестокий пример благодеяний и гнева фортуны, сохранил сердце и воображение, но утратил расудок».

Переводческий опыт благо-

творно повлиял на собственные поэтические работы Батюшкова. Вообще, в творчестве Батюшкова удивительным образом переплелись его личные мотивы с образами и мотивами европейской и античной литературы. В 1817 г. он делает волновые переводы из греческих поэтов под общим названием «Из греческой антологий». В них Батюшков стремится передать дух античного мироощущения, создает разноплановые женские образы, которые поражают своей яркостью и глубиной.

1814—1817 гг. — время наивысшей прижизненной славы поэта. Осенью 1815 г. его срочно принимают в литературное общество «Арзамас», в котором также состоят его друзья-карамзинисты: Жуковский, Вяземский, В.Л. Пушкин, а позднее и молодой А.С. Пушкин. За свои сатиры против Шишкова Батюшков получил в обществе кличку Ахилл. Конечно, она не лишена иронии. Как известно, Ахилл — персонаж греческой мифологии, непобедимый воин. А Батюшков отличался очень слабым здоровьем. В 1816 г. он становится членом Московского общества любителей русской словесности, а в 1817 г. — Вольного общества любителей словесности в Петербурге. В это время Батюшков пишет элегию «Таврида», стихотворение «Мой гений», посвященные Анне Фурман. Отношения с ней — очередная драматическая страница биографии Батюшкова и Фурман знакомы в 1813 г. После долгих колебаний поэт делает предложение девушке, но, получив согласие, отказывается от своих намерений. Он не уверен в истинности чувств возлюбленной. Однако несостоявшаяся любовь не только мучила поэта, но и даровала ему вдохновение.

В 1816—1817 гг. Батюшков большую часть времени проводит в своем имении Хантонове, работая над «Опытами в стихах и прозе» — единственным собранием сочинений, в подготовке которого он принимал непосредственное участие. После издания «Опытов» Батюшков оставляет военную карьеру, ходатайствует о службе в дипломатическом ведомстве. Он желает осуществить свою давнюю мечту — поехать в Италию, на родину любимых поэтов. Отправляется в Неаполь в составе русской миссии, желая восстановить душевные силы. Но очень скоро болезнь дает о себе знать. И, хотя, вернувшись на родину, Батюшков еще пишет несколько прекрасных стихотворений, ему уже не суждено продолжить литературную деятельность.

И хотя личная судьба Батюшкова трагична, его творчество имеет удивительно светлый характер. Огромной заслугой является не только влияние на язык поэзии, но и то, что своим творчеством он предвосхитил поэзию Пушкина и даже Тютчева, который также в своей лирике выражал духовное и незримое через чувственное. Я думаю, такие поэты, как К.Н. Батюшков, не должны забываться, теряться в потоке имен литературы XIX века. Его творчество всегда будет актуальным, потому что в своих лирических произведениях он воспевал вечные ценности: юность, дружбу и любовь.

Ольга КОЗЬМИНА,
Студентка филологического факультета ОГУ.